

© 1996 г. И.Г. РУЗИН

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ

Общим местом современной лингвистики является мысль, что понять природу языка можно лишь на основе изучения человека и его картины мира в целом. В ряде новейших исследований языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением и практической деятельностью человека. Все больше укрепляется идея о том, что невозможно найти объяснение формированию языковых структур исключительно на основе внутренних факторов [Lee 1989], а также что описание слов с учетом их направленности на внеязыковую реальность может быть весьма продуктивным для выявления их собственного языкового содержания [UL 1988].

Исследуя отображение в языке окружающей человека действительности и преломление в нем неких внеязыковых категорий, мы приходим к заключению, что природа языковой единицы определяется очень сложной и подвижной совокупностью следующих факторов: 1) экстралингвистических — обусловленных объективной природой отображаемой в мысли и языке реальности¹; 2) концептуальных — обусловленных закономерностями отображения объективного мира сознанием человека; 3) собственно языковых — обусловленных собственными закономерностями, действующими в человеческом языке. Будем в дальнейшем противопоставлять первые два фактора третьему как концептуальные (внеязыковые) собственно языковому (неконцептуальному).

Основную задачу настоящей работы можно сформулировать в двух аспектах: 1) онтологическом — в какой мере природа языковых единиц зависит от внешних (концептуальных) факторов, а в какой мере от собственно языковых; 2) гнесеологическом — какие языковые факты могут быть объяснены на концептуальной основе, а какие — нет. Естественно, мы не пытаемся претендовать на полное освещение вопроса, но как (используя тривиальное сравнение) можно судить о свойствах воды по по одной ее капле, так же можно (с достаточной осторожностью) умозаключать о природе языка в целом на основании детального исследования его фрагмента. В качестве последнего была избрана сфера перцептивных атрибутов русского языка, т.е. лексем, именующих признаки окружающего мира, воспринимаемые с помощью пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Мы обозначаем классы, выделяемые на этой основе как модусы перцепции, или перцептивные модусы. Зрение подразделяется на несколько (суб)модусов: восприятие света, цвета, формы и размера (следует отметить, что вышеперечисленными модусами визуальное восприятие отнюдь не исчерпывается). Поскольку в данной статье затрагиваются скорее теоретические, чем дескриптивные аспекты, мы вынуждены оставить за ее рамками детальное описание лингвистической природы перцептивных признаков (подробный анализ данного материала представлен в работе [Рузин 1995]). Огра-

¹ Мы не вдаемся в рассуждение о том, существует ли вообще эта реальность и какова ее природа. Нам импонирует представление ее в виде "экологического мира" Гиббсона [Гиббсон 1988] или "projected world" Джекендоффа [Jackendoff 1986]. Однако детальное исследование данной проблемы никак не входит в наши задачи.

нимся лишь предельно кратким, суммарным изложением, без которого все дальнейшие рассуждения вряд ли будут понятны.

Прежде всего противопоставлены "характеризующий" (статический) признак и "проявляющийся" (динамический). В русском языке первый представлен атрибутами-прилагательными (*красный, горький, громкий*), второй — атрибутами-глаголами (*краснеть, горчить, греметь*). Атрибуты характеризующего признака противопоставляются и классифицируются по нескольким основаниям: экстенциональные vs. интенциональные; интрамодальные vs. полимодальные vs. кроссмодальные; объективные vs. субъективные и т.д. Экстенциональные атрибуты определяются через соотносимый с ними объект. В свою очередь они подразделяются на аутореферентные (именующие признак объекта сам по себе: *лунный свет* "свет луны") и эталонные (именующие признак объекта по отношению к другому объекту: *изумрудная ткань* "ткань цвета изумруда"). Интенциональные атрибуты, в отличие от экстенциональных, указывают не на то, с чем соотносится перцептивный признак референта, но на то, как он соотносится с чем-либо. Данная категория включает два подтипа атрибутов: параметрические (например, *высокий, яркий*) и непараметрические (например, *резкий, прерывистый*).

Границы между модусами не являются жесткими, поэтому существуют атрибуты, характеризующие одновременно несколько модусов. С этой точки зрения выделяются три типа признаков: 1) интрамодальные (атрибуты, сфера приложимости которых ограничивается лишь одним перцептивным модусом, например, *красный, громкий, пахучий*); 2) полимодальные (атрибуты, объективно соотносимые одновременно с несколькими модусами — *гладкий, пушистый, кислый*); 3) кроссмодальные (атрибуты, принадлежащие одному перцептивному модусу, но употребляемые и для характеристики параметров другого, например, *мягкий голос*). Не все перцептивные признаки могут быть описаны лишь в объективных терминах, при описании некоторых параметров использование субъективных терминов неизбежно. Что такое *вкусное яблоко*? — "обладающее хорошим, приятным вкусом". Но "хороший" и "приятный" — не объективные термины, т.е. в сфере субъективного признака описываются параметры, существующие лишь с точки зрения их значения для перцептивной системы человека. Причем очень интересно, что данное описание идет не в объективно оценочных терминах "хорошо/плохо", но в субъективно оценочных — "приятно/неприятно". Таким образом, можно считать, что субъективные атрибуты описывают некие гедонистические параметры.

Проведенное исследование позволяет дать следующую прототипическую характеристику взаимоотношения категорий (хотя, как будет видно в дальнейшем, реальная картина намного сложнее и богаче). Типично характеризующие (статические) модусы: цвет, форма, размер, тактильность, вкус. Абсолютное большинство атрибутов этих перцепций — прилагательные, немногие же глагольные атрибуты — производны. Типично проявляющиеся (динамические) модусы: звук, свет, запах. Параметры этих перцепций в основном описываются глаголами. В сфере характеризующего признака прототипически экстенциональны и эталонны цвет, форма, вкус; экстенциональны и аутореферентны — свет и звук. Образцом параметричности выступает модус размера, а также отчасти света и тактильности. Кроме этого, вкус и запах выступают типично гедонистическими модусами. Природа трех "проявляющихся" модусов различна: поле звука детально дифференцировано экстенционально (по отношению к источнику); поле света — параметрически (на основе интенсивности свечения); поле запаха — гедонистически (на основе оценки перцептивного воздействия).

Ограничившись столь кратким вступлением, перейдем к непосредственной теме статьи, придерживаясь следующего плана: сначала затронем некоторые аспекты существования и проявления концептуальной категории в языке (1); затем коснемся некоторых особенностей ее природы, в частности, ее континуальности и не-жесткости

(2); далее детально проанализируем возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов (3); наконец, попытаемся сформулировать некоторые выводы и обобщения (4).

1. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

1.1. Эта категория особым образом проявляется в различном языковом материале. С одной стороны, самый нижний, базисный уровень языковых единиц отражает основную природу категории и наоборот: основная природа категории проявляется на самом нижнем уровне, т.е. она как бы "заложена" в элементарное (мы имеем в виду так называемую "концептуальную" элементарность [ОЯ 1972]) значение единиц. Абсолютное большинство непроеизводных атрибутов цвета, размера и тактильности (типично параметрических модусов) — параметричны: *яркий—тусклый, светлый—темный, ясный—мутный* (свет); *сухой—мокрый, мягкий—твердый, гладкий—шершавый* (тактильность); *большой—маленький, высокий—низкий, толстый—тонкий* (размер). В остальных же модусах параметрические атрибуты весьма немногочисленны. В экстенциональных эталонных модусах (цвет и вкус) основные элементарные прилагательные эталонны: *красный, желтый, алый, буланный* (цвет); *горький, кислый, сладкий* (вкус). Довольно много их и в модусе тактильности: *черствый, тугой, пухлый, пластичный, зыбкий, пыльный*. В модусах света, формы, размера, звука и запаха данные образования отсутствуют.

Наблюдается интересная градация атрибутов от модусов размера и света через модус тактильности к модусам цвета и вкуса: первые два модуса включают только параметрические непроеизводные атрибуты, последние два — только эталонные. В модусе тактильности имеются и те и другие. Объясняется это тем, что размер и свет онтологически наиболее "бедные" модусы: все их параметры в основном количественные, сводящиеся лишь к обозначению большего или меньшего полюсов. В то же время в тактильности даже параметрические атрибуты имеют сильную качественную окраску: они именуют не чисто количественные признаки, но и разнообразные качественные оттенки, разнообразие которых не поддается дихотомической классификации и, следовательно, не покрывается чисто параметрическими атрибутами. Признаки же цвета и вкуса имеют по преимуществу качественные, но не количественные характеристики.

1.2. Концептуальная категория определяет значение производных единиц, т.е. задает закономерности процесса. Например, деноминативы света и звука приобретают аутореферентное значение: атрибуты света (*солнечный, лунный, неоновый, фосфорный*) именуют признак объекта по отношению к самому себе, безотносительно к другому объекту. *Лунный свет* скорее воспринимается как "свет, испускаемый луной", а не как "свет, напоминающий по своим характеристикам лунный". Аналогична природа звуковых эталонов: *львиный рев, дверной скрип* и т.д. Все деноминативы модуса цвета эталонны. Заслуживает внимания тот факт, что эталонная ориентированность цвета настолько велика, что язык в ряде случаев восстанавливает референтную соотнесенность цвета, создавая таким образом цветовые дуплеты. Так, существуют, с одной стороны, *оранжевый* и *фиолетовый*, а с другой — их деноминативные эквиваленты — *апельсиновый* и *фиалковый*. Все деноминативы формы экстенциональны. Большинство их имеет прежде всего эталонное значение: *серповидный* "в форме серпа", *квадратный* "в форме квадрата" и т.д. Атрибуты вкуса могут употребляться как в традиционном аутореферентном значении, обозначая вкус самого объекта, так и в постепенно возникающем эталонном, обозначая вкус по отношению к определенному эталону: *яблочное варенье* vs. *яблочный ликер*. Экстенциональные атрибуты запаха имеют аналогичную двойственную природу: *ландышевый запах* vs. *ландышеские духи*.

Отыменные прилагательные размера не экстенциональны: более того, в боль-

шинстве случаев они и образованы от имен нематериальных сущностей. Даже атрибуты, по своей форме напоминающие экстенциональные (*гигантский, исполинский, крошечный*), на самом деле таковыми не являются. *Гигантский* не означает "по своим размерам приближающийся к размерам гиганта", поскольку сами размеры "эталонного гиганта" неизвестны и по крайней мере весьма различны для гигантской мыши и гигантского слона. Деноминативы этого рода, во-первых, образованы от имен фиктивных сущностей, а во-вторых, в любом случае определяются интенционально: *крошечный* "максимально отстоящий от медиума в сторону меньшего полюса, приближающийся к границе возможностей перцептивного восприятия"; *исполинский* "максимально отстоящий от медиума в сторону большего полюса".

Модусы вкуса и запаха также характеризуются широким набором неэкстенциональных атрибутов: интенциональных гедонистических. Таким образом, природа мотивантов и значение мотивированных прилагательных чрезвычайно ярко отражают двойственную природу данных модусов (в сфере статического признака): с одной стороны — эталонную, с другой — гедонистическую. Данная группа признаков образована от имен нематериальных сущностей, неких абстрактных понятий: *вкус*—*вкусный*, *смак*—*смачный*, *аппетит*—*аппетитный*; *смад*—*смадный*, *дух*—*душистый*, *аромат*—*ароматный*. Чрезвычайно интересно отметить, что если в размере подобного рода деноминативы сдвинуты в сторону большего параметрического полюса, то в двух данных модусах — в сторону большего гедонистического: *вкусный* "обладающий приятным вкусом" (а не наоборот), *аппетитный* "вызывающий аппетит" (а не отбивающий его). Это лишний раз показывает, что две данные перцепции по существу гедонистические.

1.3. Некоторые значения не могут быть выражены на нижних уровнях, поскольку им как бы не хватает разрешающей способности: то немногого количество значений, которое они способны выражать, уже занято самыми базисными. Но проблемы, не находящие разрешения на нижних уровнях, могут быть легко разрешены на более высоких. Элементарные примеры этого можно найти уже на субсловном уровне, однако полностью это явление представлено на сверхсловных уровнях. В частности, для описания различных вкусов существует совсем немного собственных атрибутов-прилагательных: *солёный, кислый, горький, сладкий, приторный* и некоторые другие. Однако эта недостаточность преодолевается на уровне словосочетания. Все многообразие вкусовых ощущений передается не через прилагательные, а с помощью так называемого "родительного качества" [Виноградов 1986]: намного привычнее звучат фразы типа *он почувствовал на губах вкус яблока, свинины, кофе*, чем аналогичные *он почувствовал на губах яблочный, свиной, кофейный вкус*.

Еще одним подтверждением вышеприведенного тезиса может служить система динамических атрибутов света. Исходя из логических оснований, можно предположить, что световые параметры характеризуют: а) сам источник света; б) свет, отраженный от объекта; в) свет в пространстве. Насколько эта логическая оппозиция реализована в языке? Анализ показывает, что атрибутов, соотносимых только с одной из вышеприведенных категорий, совсем немного: только к источнику света (а) относятся *лучить/ся, брезжить/ся, тлеть/ся*; только к отраженному от объекта свету (б) — *светлеться, темнеться, отсвечивать*; только к характеристике освещенности пространства (в) — *туманить/ся*. Большинство же атрибутов могут с равной вероятностью характеризовать любой из этих параметров: *сиять, сверкать, полыхать, гореть, пламенеть, блестеть, светить* и др. На уровне же фразы мы имеем: 1. Источник света: *солнце сияет* — а) *солнце сияет ярко*; б) *солнце сияет ярким светом*. 2. Свет в пространстве: *зала сияет* — а) *зала сияет ярко*; б) *зала сияет ярким светом*; в) *зала сияет свечами, лампами*. 3. Отраженный свет: *штыки сияют* — а) *штыки сияют ярко*; б) *штыки сияют ярким светом*; в) *штыки сияют на солнце*.

Итак, для всех трех типов возможно расширение минимальной конструкции за счет

уточнения степени свечения, его интенсивности (а, б), и кроме этого для несобственно светящихся источников (свет в пространстве, отраженный свет) — за счет указания на источник свечения. Причем интересно отметить, что синтаксические конструкции, представляющие источник света в случае 2 и 3 различаются, т.е. на уровне фразы представленная выше логическая классификация полностью эксплицируется.

Резюме. Природа языкового прецептивного модуса (и шире — концептуальной категории в языке вообще) не является чем-то единым и монолитным: она представляет собой своеобразный континуум от признаков, составляющих сущность ее природы, до признаков, прямо этой природе противоречащих. Природа категории во всех языковых уровнях и во всех языковых областях имеет нечто общее, организующее ее как категорию, в то же время на разных уровнях и в разных сферах эта природа несколько различна.

2. КONTИНУАЛЬНОСТЬ И НЕЖЕСТКОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

2.1. На концептуальной основе выделяются не жестко отграниченные друг от друга классы единиц, но, скорее, поля с неопределенными расплывчатыми границами, где степень отнесенности единицы к категории меняется градуально и постепенно, а не дискретно (2.1.1). Так, категория формы, с лингвистической точки зрения, намного более расплывчата и менее определена, чем, например, категория цвета: в большинстве случаев почти не возникает вопрос (при знании значения слова и контекста) о том, является ли конкретное прилагательное обозначением именно цвета или нет. Напротив, существует достаточно большая неопределенность в отнесении того или иного слова к параметру формы: прилагательные *скрюченный*, *витой*, *вьющийся* могут рассматриваться как атрибуты формы, вероятно, лишь с большими оговорками. Так же нечетко и вариативно в данном модусе противопоставление объектов-эталонов и объектов-референтов. Возможно, что формы предметов, выступающих эталонами, в этом отношении более маркированы и специфичны, чем уподобляемые им: с одной стороны — яйцо, груша, рог, шатер, нить, лист, червь и др., обладающие достаточно характерной формой; с другой — кактус, бактерия, голова, облако, купол, сопка, кровля, след, мост, брови и др., большинство из которых не имеют специфической, а иногда и определенной формы. Некоторые предметы могут выступать в одних случаях как объект для сравнения (*листовое железо*), а в других — как сравниваемый объект (*перистые листья*).

2.1.2. Параметр субъективности также задает в языке не жесткие, строго разграниченные классы, но размытую область плавно переходящих друг в друга множеств. На одном конце шкалы субъективности расположены чисто объективные атрибуты (*красный*, *квадратный*, *громкий*). К ним примыкают прилагательные, уже в какой-то мере обладающие субъективным компонентом: *огромный* "очень большой", *сырой* "содержащий ненужную влагу". Далее идут субъективно-дескриптивные атрибуты, к которым принадлежит и большинство кроссмодальных (*мягкий*, *резкий*, *грубый*). И наконец, на противоположном полюсе шкалы представлены чистые аксиологические атрибуты типа *нежный*.

2.1.3. В сфере проявляющегося признака звука существует некоторая предрасположенность тех или иных глаголов выступать преимущественно в агентивной или инструментальной конструкциях. Вероятно, глаголы *дудеть*, *барабанить*, *бренчать*, *клацать* скорее могут выступать в неагентивных конструкциях, чем *журчать*, *чавкать*, *гудеть*: ср. *бренчать на гитаре*, *барабанить в барабан*, *лязгать затвором* vs. *вода журчит*, *грязь чавкает*, *гузок гудит*. Тем не менее, в принципе все эти глаголы могут встречаться в обеих типах конструкций, то есть оппозиция "издавать звук самостоятельно" vs. "издавать звук под воздействием" существует в языке как тенденция, но не жесткое правило.

2.2. В пределах категории могут существовать единицы, прямо противоречащие ее

природе. 2.2.1. Например, абсолютное большинство экстенциональных атрибутов света аутореферентны, т.е. характеризуют не параметры сравниваемого предмета, но световые параметры самого источника света: *солнечный, лунный, фосфорический, фосфористый, неоновый*. Тем не менее, можно привести ряд примеров употребления атрибутов света в эталонном, а не аутореферентном значении: *фосфорический неживой свет луны, фосфорный блеск в воде* [МАС 1981].

2.2.2. Еще пример: большинство признаков цвета (в частности именуемые деноминативными прилагательными), а также параметры тактильности не "проявляются", т.е. не имеют соответствующих экспозитивных глаголов. Однако здесь существует ряд исключений: *Мать по-прежнему смуглела худыми плечами* (Трифонов). *На гимнастике рдяно мокрело пятно* (Шолохов). *На располневшем Клавдиюхином лице малиновел напوماженный рот* (Носов) [Каропова 1990].

Резюме. Концептуальные категории не однородны, а центрированы: их природа ярко проявляется в прототипических единицах и может почти полностью нивелироваться в периферии. Методологически это выражается в необходимости иерархизации рассматриваемого материала и выделении основных особенностей категории на основе анализа прототипических единиц.

3. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

3.1. Природа языковых единиц обусловлена и объясняется экстралингвистическими факторами.

3.1.1. Анализ производных прилагательных вкуса и запаха ставит чрезвычайно интересную проблему, а именно: являются ли атрибуты типа *малиновый, вишневый* и т.д. аутореферентными или эталонными, или в других терминах — относительными или качественными прилагательными. Другими словами, именуют ли они вкусовые параметры референта самого по себе или соотносят его с эталоном. Обычно данные прилагательные трактуются как относительные (аутореферентные), противопоставляясь с этой точки зрения прилагательным цвета. Можно сказать, что данное положение было верно вплоть до последних десятилетий. Однако в данный момент в связи с развитием пищевой промышленности в разряд эталонных атрибутов (качественных прилагательных) постепенно все шире переходят прежние аутореферентные (относительные). Возможность окачества прилагательных вкуса определяется прежде всего возможностью получения новых веществ (объектов), обладающих вкусом эталона, но никак иначе с ним не связанных. Действительно, до недавнего времени природа атрибутов вкуса и цвета была различна: эталонная у цвета (*малиновый пиджак*) и аутореферентная у вкуса (*малиновое варенье*). Однако возможность получения искусственных вкусов меняет онтологический, концептуальный и, как следствие, лингвистический статус атрибута: *малиновый ликер* уже не интерпретируется как "ликер из малины", но "ликер со вкусом малины".

Аналогичное явление в сфере запаха обуславливает развитие парфюмерной промышленности. В последнее время наблюдается значительное увеличение использования искусственных запахов: духи, одеколоны, шампуни, мыло и т.д. Возрастание роли искусственных запахов отражается и на языке: окачивается и переходят в разряд эталонных названия многих естественных запахов (*хвойный, миндальный, ландышевый* и др.). Таким образом усиливается граница между атрибутами, тяготеющими к значению "подобный запаху X" (эталонными), и атрибутами со значением "издаваемый X-ом" (собственно аутореферентными): *гнилостный, тленный, плесенный*. Интересно, что последнее значение остается у запахов, воспринимаемых как негативные и поэтому не моделируемых.

3.1.2. Переходя в сферу глагольного (проявляющегося) признака, мы наблюдаем, что параметр "динамичности" по-разному представлен в модусах цвета, вкуса и звука. Причем заметна определенная грация в сторону динамичности от цвета к звуку. Это

видно на примере интерпретации атрибутов-глаголов. Экспозитивные глаголы цвета интерпретируются только как "проявлять определенный цвет": *белеть* "проявляться как белый" (но не "производить белый цвет"). С глаголами вкуса возможна двоякая интерпретация: *горчить* а) "проявляться как горький", б) "производить горький вкус". В модусе звука возможна лишь последняя интерпретация "издавать (производить) определенный звук": ср. *каркать* "издавать каркающий звук", но не "проявляться как каркающий". Природа данного противопоставления экстралингвистическая: восприятие цвета не самодостаточно, оно происходит лишь под воздействием света (какого бы цвета ни был предмет, мы об этом ничего не узнаем, пока к параметрам цвета не добавится параметр света, т.е. пока предмет не будет освещен). Таким образом, предмет не "производит" цвет, но лишь его "проявляет" под внешним воздействием. В то же время звучащий объект активен и самодостаточен для восприятия [Носуленко 1988]. Вкус, вероятно, представляет некий промежуточный случай: основываясь на химическом воздействии, он оказывает влияние на органы чувств непосредственно, но в то же время его восприятие не столь облигаторно и независимо от желания воспринимающего, как восприятие звука.

3.1.3. Следующий аспект — возможность реализации определенных темпоральных оппозиций в различных перцептивных модусах. В русском языке оппозиция мгновенность/немгновенность перцептивного признака представлена прилагательными *мимолетный* ("быстро проходящий, быстро исчезающий") vs. *стойкий* ("долго сохраняющий и проявляющий свои свойства"). Их распределение по модусам несимметрично: *стойкий* характеризует запах, вкус, цвет (*стойкий запах, вкус, цвет*), но не свет, форму, размер, тактильность, звук (ср. по крайней мере сомнительность *?стойкий свет, ?стойкая форма, ?стойкий размер, ?стойкая шероховатость, ?стойкий гул*); тогда как *мимолетный* — свет, звук, запах, вкус (*мимолетный огонь, вздох, запах, вкус*), но не цвет, форму, размер, тактильность. Попытаемся дать этому концептуально-онтологическую интерпретацию.

Запах и вкус выступают в обеих оппозициях, т.е. они могут быть, с одной стороны, стойкими, с другой — мимолетными. Скорее всего, это определяется онтологической природой данных модусов: в обоих случаях стимулом восприятия выступают химические воздействия на органы чувств [Goldstein 1984]. Восприятие существует лишь в то время, пока длится воздействие определенных веществ на определенные рецепторы. Это воздействие может быть достаточно долгим, а может быть относительно кратковременным: обе эти возможности фиксируются языком. В отличие от модусов вкуса и запаха, звук и свет принципиально "мгновенны". Для восприятия вкуса и запаха требуется определенное время, пока молекулы вещества попадут на соответствующие рецепторы, и с другой стороны, восприятие не прекращается мгновенно, т.к. даже с устранением раздражителя какая-то часть вещества еще остается на рецепторах. В противоположность этому звук и свет начинают восприниматься мгновенно в самый момент их появления и могут моментально прекратиться с исчезновением источника. Кроме этого, звук и свет существуют не в объекте и не в веществе, в то время как запах и вкус всегда связаны с веществом. Возможно, данный факт позволяет объяснить ущербность оппозиции мгновенность/немгновенность в данных модусах: возможность моментального возникновения и исчезновения допускает образования *мимолетный звук, мимолетный огонь*. С другой стороны, принципиальная обычность такой "мгновенности" делает эти сочетания несколько экзотическими. "Нематериальность" звука и света не позволяет им сочетаться с прилагательным *стойкий*. Тактильность, форма и размер концептуально существуют "вне времени": они представляют собой те параметры, которые составляют перцептивную природу объекта, а не являются некими приводящими признаками (в противоположность, допустим, запаху, который может появляться и исчезать при неизменности самого объекта). Цвет, с этой точки зрения, занимает срединное положение между "объектными" и "вещественными" модусами: его объек-

тность не позволяет ему быть мимолетным, в то же время его меньшая привязанность к природе объекта, его "преходящесть" актуализирует аспект стойкости.

3.2. Природа языковых единиц обусловлена и объясняется концептуальными факторами.

Вероятно, анализируя вышеприведенные объяснения, можно возразить, что не все рассмотренные явления объяснимы непосредственно лишь экстралингвистическими факторами. Скорее всего, это действительно так, что лишний раз доказывает континуальность и нежесткость устанавливаемых закономерностей. Тем не менее можно привести ряд языковых фактов, объяснение которых, как нам представляется, следует искать в преломлении в языке именно общих закономерностей человеческого мышления.

3.2.1. Сложное переплетение экстралингвистических и собственно концептуальных (обусловленных природой человеческого мышления) факторов интересно продемонстрировать на следующем примере. Как показывает анализ материала, абсолютное большинство глаголов обозначают звуки, издаваемые млекопитающими и птицами. На долю остального животного мира приходится совсем немного. Для этого можно предложить двоякое объяснение: во-первых, разнообразие звуков, издаваемых птицами и млекопитающими, значительно превосходит диапазон звуков остальных представителей животного мира (экстралингвистический фактор); во-вторых, птицы и млекопитающие стоят значительно ближе к человеку и являются более значимыми источниками звука (концептуальный фактор). Можно также предположить, что наличие большего количества атрибутов, характеризующих отдельных млекопитающих, также определяется объективными (разнообразие издаваемых животным звуков) и субъективными (близость данного животного к человеку) параметрами: *собака лает, урчит, тявкает, скулит, воет* vs. *овца блеет*. Наиболее подробным и детальным образом именуется звуковая деятельность человека, причем с точки зрения различных аспектов. Причина этого вполне ясна.

3.2.2. Один из наиболее ярких примеров влияния на природу языковых единиц собственно концептуальных факторов дает сфера прилагательных звука. Детальный анализ прилагательных этой сферы показывает, что они аутореферентны по своей природе, но не эталонны (Допустим, в ситуации, описываемой выражением *путешественники услышали лвиный рев*, источником звука, скорее всего, выступает сам лев.) Тем не менее в данном модусе существует по крайней мере один чисто эталонный атрибут, указывающий на эталонность своей внутренней формой: *громоподобный*. Здесь мы наблюдаем интересное явление: в принципе реально (онтологически) гром вполне совпадает с остальными звукообозначениями (писк, скрип и др.). Но почему в языке нет, например, **скрипоподобный*? Этот факт можно объяснить исходя из концепции "вторичной антропологизации языка, или влияния на язык различных картин мира человека" [Серебренников 1987] или же "идеальных моделей, то есть мифов, религиозных и художественных представлений" [Лакофф 1988]. С этой точки зрения, гром наивным сознанием (концептуально) воспринимается как нечто значительно более материальное, чем простой звук. Это концептуальное допущение находит широкое преломление в языке: ср. *громоподобный; громоотвод* (т.е. гром — нечто такое, что можно отвести); *упал, как громом пораженный* (гром может и поразить); *гром гремит* (но не **скрип скрипит*) и т.д.

3.2.3. Сходное явление наблюдается и в сфере глаголов, именующих звучание неодушевленных предметов. Характерным для этой сферы является возможность трансформации агентивных конструкций в инструментальные (что, кстати, тоже имеет под собой концептуальное объяснение). Однако в ряде случаев трансформация неодушевленного агенса в инструмент невозможна: ср. *доска скрипит — он скрипнул доской* vs. *двигатель гудит — ?некто гудит двигателем, часы тикают — *он тикает часами*. Нам представляется, что объяснением этому феномену также служит концепция "идеальных моделей" (или "вторичной антропологизации языка"): сложные

механизмы (возможно прямо пропорционально степени их сложности) воспринимаются наивным, а следовательно, и языковым сознанием не как простые неодушевленные предметы, но как нечто одушевленное. До относительно недавнего времени одним из самых сложных механизмов были часы. Вероятно поэтому (хотя возможно из-за их непосредственной связи с категорией времени, материализацией которого они выступают) они подверглись наибольшему одушевлению. И если для *двигатель гудит* трансформация *некто гудит двигателем* хотя и необычна, но все же возможна (Что это за шум? — Да это Маша гудит пылесосом), то для *часы тикают* она столь же маловероятна, как для *ворона каркает*. Таким образом, и в этой сфере мы можем наблюдать антропоцентричность языкового сознания и языкового выражения.

3.2.4. Концептуальными же факторами можно объяснить отягощение чисто гиперонимических значений определенных атрибутов. В сфере негативных атрибутов визуальных модусов достаточно четко противопоставлены, с одной стороны, свет (как не имеющий отрицательных атрибутов), с другой — цвет, форма, размер (соответственно: *бесцветный*, *бесформенный*, *безразмерный*). Наиболее нейтральное значение у негативного атрибута цвета: *бесцветный* "ничем не окрашенный: *бесцветный газ, жидкость*". Однако даже в значении этого слова замечен сдвиг от нейтральности: *бесцветный* "не имеющий **ярко выраженной** окраски, цвета". Таким образом, данный признак может интерпретироваться не только как "не имеющий цвета **вообще**", но и как "не имеющий **определенного** цвета". *Бесформенный* имеет лишь второе значение: "не имеющий **определенной** формы". Атрибут размера *безразмерный* имеет весьма узкое значение, далекое от гиперонимического: "обладающий большой растяжимостью при натягивании". В сфере позитивных атрибутов единственным словом, не отягощенным дополнительными значениями, выступает атрибут света: *святиющийся* "испускающий свет". *Цветной*, обозначая иногда простое наличие цвета, имеет тем не менее более узкое значение (примером этого может служить анекдот: *У вас цветные телевизоры есть? — Есть. — Тогда дайте, пожалуйста, синий*). Понятия "имеющий форму" и "имеющий размер" не имеют соответствующих наименований. Нам представляется разумным следующее объяснение: все тела так или иначе имеют форму и размер, большинство тел не светится. Это делает ненужным именование соответствующих признаков. С другой стороны, свечение тела — настолько характерная особенность, что уже само указание на это информативно. В остальных случаях наблюдается тенденция к спецификации значения, его сужению по сравнению с гиперонимическим, поскольку последнее воспринимается как недостаточно информативное (ср. сдвиг *бесформенный*).

3.2.5. Наиболее красивую картину взаимодействия концептуальных факторов представляют так называемые кроссмодальные гиперонимы: кроме глаголов, соотносимых однозначно лишь с одним перцептивным модусом, существует и ряд атрибутов, могущих характеризовать параметры проявления нескольких динамических перцепций. Интересно отметить, что источником этих единиц не является ни один из перцептивных модусов, но все они представляют собой то, что можно определить как "материальную метафору", т.е. уподобление природы перцептивного восприятия природе определенного объекта или вещества. Использование такого рода метафор весьма показательно с точки зрения определения неизвестного через известное [Molino 1979], а также менее "материального" через более "материальное" [Ульман 1970]. Языковое сознание пытается как-то адаптировать, описать и познать нечто, что не обладающее предметностью и вещественностью, выражая это нечто в материальных терминах.

По нашим наблюдениям, кроссмодальные атрибуты распределяются следующим образом:

- 1) звук, свет, запах — *испускать, наполнять, струиться*;
- 2) звук, запах — *издавать, доноситься, разноситься*;
- 3) звук, свет — *литься*;

4) свет, запах — *источать*.

Попытаемся определить причины именно такого распределения атрибутов и найти этому какое-либо концептуальное объяснение.

Объяснение света и запаха через атрибут *источать* и исключение из этого объяснения звука наводит на мысль о меньшей вещественности последнего. Первоначальное значение слова *источать* (ныне книжное и устаревшее) — "выделять из себя влагу". Таким образом, в данном случае свет и запах (но не звук) уподобляются жидкости. Это имеет под собой и некоторую онтологическую основу: запах и свет более материальны, чем звук. Один благодаря своей химической природе, другой — зрительной. Однако предположив, что русским языковым сознанием звук всегда воспринимается как нечто менее "материальное", чем свет и запах, мы бы допустили ошибку. Объединение звука и запаха через глаголы *издавать*, *разноситься*, *доноситься* уподобляет их природе предметной, отказывая в этой природе свету. Этому также можно подыскать онтологическое объяснение: невозможность употребления *донестись*, *разнестись* по отношению к свету, вероятно, определяется его температурной природой, а именно мгновенностью распространения. Для распространения же запаха и даже звука требуется определенное время.

Тем не менее могут существовать и объединения, не имеющие под собой онтологического основания: почему звук и свет могут *литься* как жидкость, а запах нет, хотя он является наиболее материальным из трех данных модусов? Почему все три модуса могут быть объединены и "материализованы" через атрибуты *струиться*, *наполнять*, *испускать*?

3.3. Включение неконцептуальных факторов.

Хотя многие языковые явления, как нам кажется, достаточно убедительно объясняются на концептуальной основе, ряд фактов концептуально объяснить нельзя. Из-за ограниченности объема статьи мы покажем это на наиболее ярком примере, а именно — интерпретации способов глагольного действия в сфере глаголов звука и света.

3.3.1. Как и во всех остальных модусах, первичная форма глаголов звука — несовершенный вид. Это позволяет предположить, что и глаголы звука воспринимаются преимущественно как признаки, а не действия в собственном смысле слова. Тем не менее невещественность, нематериальность, несубстанциональность звука сказывается на природе его динамических атрибутов. В отличие от других модусов, очень многие звуковые глаголы имеют дуплетные формы совершенного/несовершенного вида: *каркать-каркнуть*, *мяукать-мяукнуть*, *пищать-пискнуть*, *гремять-громыхнуть*, *шептать-шепнуть* и т.д. Совершенный вид в данном случае характеризует однократность действия.

Установить закономерности преимущественного представления тех или иных процессов как дискретных или недискретных нам не представляется возможным. Соотношение глаголов, имеющих обе формы, и глаголов, имеющих лишь форму несовершенного вида, во всех трех референтных областях (неодушевленные предметы, животные, человек) примерно равно 1:1. Лишь половина глаголов имеет дуплетные формы, тогда как вторая их не имеет. Для большей наглядности мы приводим часть списка соответствующих глаголов: а) только несовершенного вида *ржать*, *лаять*, *выть*, *блеять*, *мычать*, *гоготать*, *квохтать*, *клохтать*, *кулыкать*, *стрекотать*, *гомонить*, *щебетать*, *звенеть*, *трубить*, *гудеть*, *трезвонить* и др; б) имеющие обе видовые формы *мяукать*, *мурлыкать*, *тявкать*, *завкать*, *хрюкать*, *бренчать*, *скрипеть*, *кричать*, *щелкать*, *бурчать* и т.д. Какое концептуальное объяснение можно найти следующим соответствиям (или, точнее, несоответствиям): *свистеть-свистнуть*, но *свиреспеть-**свиреснуть? Чем принципиально онтологически или концептуально отличаются данные звучания? Еще ряд примеров, в которых подобные на первый взгляд звучания различаются в этом отношении: *бурчать-буркать* vs. *бубнить-**бубнуть, *кукарекать-кукарекнуть* vs. *кулыкать-*

?кулыкнуть, гавкать-гавкнуть vs. лаять-*лайнуть. Это тем более примечательно, что идея однократности вышеприведенных звучаний во многих случаях все же может быть выражена с помощью префикса: *пробубнить, промычать, пролаять* и т.д.

3.3.2. С аналогичной проблемой мы сталкиваемся, пытаясь интерпретировать распределение по соответствующим группам глаголов света. С точки зрения возможности образования бесприставочного совершенного вида глаголы делятся на две группы: а) парные: *сверкать-сверкнуть, полыхать-полыхнуть, блеснуть-блеснуть, мигать-мигнуть*; б) только несовершенного вида: *сиять, пылать, гореть, пламенеть, лучиться, искрить, брезжить, тлеть, светить, светлеть, темнеть, туманить, мерцать*. Несомненно лишь то, что "моментальных" глаголов, представляющих "квант" свечения во времени, не так уж много. Большинство глаголов не имеют бесприставочного совершенного вида, т.е. не могут представлять действие одномоментно. По нашему мнению, дать достаточно убедительное семантическое (концептуальное) объяснение возможности употребления совершенного вида одних глаголов и невозможности других — весьма проблематично.

4. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько важных положений, касающихся, с одной стороны, онтологии языка, с другой — методологии его исследования. Природа языковых единиц определяется тремя факторами: онтологическим, концептуальным и собственно лингвистическим. Причем взаимоотношение этих факторов в каждом конкретном случае может быть весьма различным. В самом общем виде это взаимодействие можно сформулировать так: онтологическая природа объекта задает возможность многих способов концептуализации (т.е. онтология задает не необходимость определенной концептуализации, но лишь набор возможностей!), язык же определенным образом кодифицирует данные концептуальные возможности. Связь между этими тремя параметрами нежесткая, и каждый следующий уровень обладает определенной степенью свободы по отношению к предыдущему. Онтологически признание этого тезиса ведет к признанию высокой идиосинкратичности языка, методологически — к отказу от абсолютизации принципа семантической мотивированности.

Все вышерассмотренное указывает на весьма нежесткий и во многих случаях непоследовательный характер концептуализации и номинализации: из ряда возможностей реализуется в каком-то случае (в какой-то области, на каком-то уровне) одна, в каком-то другая. Таким образом, найденное концептуальное объяснение тому или иному языковому факту не является полным: оно объясняет лишь возможность данной номинализации, но не ее необходимость. Исходя из этого, нам представляется в принципе порочной идея пытаться найти объяснение каждому индивидуальному языковому факту и тем более делать предсказания по поводу конкретных языковых явлений. Однако данное заявление не следует рассматривать как декларацию принципиальной непознаваемости языковых фактов. Нам хочется лишь заметить, что концептуальный метод исследования, обладая большой экспланаторной и эвристической силой, тем не менее, как и остальные методы, имеет определенные границы применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В.В. 1986 — Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
Гибсон Дж. 1988 — Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
Карпова В.А. 1990 — Основы текстовой модификации семантики отаггективных глаголов // Проблемы исследования слова в художественном тексте. Л., 1990, с. 98—104.
Лакофф Дж. 1988 — Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23, 1988.

- Носуленко В.Н. 1988 — Психология слухового восприятия. М., 1988.
- ОЯ 1972 — Общее языкознание (Внутренняя структура языка). М., 1972.
- Рузин И.Г. — Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1995.
- Серебренников Б.А. 1987 — Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1987.
- Ульян С. 1970 — Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970.
- Goldstein E.B. 1984 — Sensation and perception. Belmont. 1984.
- Jackendoff R.S. 1986 — Semantics and cognition — 3. print. Cambridge (Mass.); London, 1986.
- Lee M. 1989 — Language, perception and the world // Explaining language universals. Oxford; Cambridge (Mass.), 1989.
- Molino J. 1979 — Métaphores, modèles et analogies dans les sciences // Langages, 1979, № 54.
- UL 1988 — Understanding the lexicon: Meaning, sense and world knowledge in lexical semantics; Tübingen, 1988.